

В это мгновение Цзи Линьси походил скорее на уличного прохвоста, чем на того величественного даоса, что только что предсказывал судьбу. От такой наглой перемены у Янь Хуая даже сердце защемило от ярости.

— А-Хуай, убери меч, не пугай господина Си, — Чу Юй бросил на него короткий взгляд.

Наследник Янь, стиснув зубы, неохотно вложил клинок в ножны. Линьси, поняв, что палку перегибать не стоит, тут же разжал руки и отпустил ногу принца.

Чу Юй обернулся и, наклонившись, осторожно коснулся предплечья Линьси сквозь ткань одежд, помогая ему подняться. Голос его по-прежнему звучал мягко:

— Господин Си, мы пробудем в Юнчэне всего пару дней. Я уже начал тревожиться, как успеть собрать доказательства и отправить их в столицу на суд императора. Ваша помощь пришлась как нельзя кстати. Но помните: дело это опасное. Прошу вас... берегите себя.

Цзи Линьси, не упуская возможности, перехватил руку юноши и вновь завел песнь о своей преданности:

— У молодого господина доброе сердце. Я сделаю всё, что в моих силах! Опасностей же я не боюсь — они для меня ничто.

Вскоре, найдя благовидный предлог, Линьси вызвал к себе Чангуя. Как только тот переступил порог, дверь за его спиной плотно закрылась. Встретившись взглядом с двумя знатными господами, слуга внутренне сжался, но в ушах его тотчас зазвучал успокаивающий голос Цзи Линьси:

— Брат Чан, не бойся. Эти господа прибыли сюда специально, чтобы восстановить справедливость и отомстить за твою возлюбленную.

Чангуй — чье настоящее имя было Чан Си — на миг замер, не веря своим ушам. Он посмотрел на Цзи Линьси, который уже успел привычно занять место за спиной прекрасного юноши.

— Молодые господа уже знают о злодеяниях сына канцлера и полны негодования, — продолжал Линьси. — Если мы им поможем, то Ван Хэ и вся его семья ответят по закону.

Чан Си, бывший актер, привыкший распознавать игру на сцене, увидел, что его собеседник не лжет, и тут же рухнул на колени.

— Прошу вас, милостивые господа, станьте моей опорой!

Эта история была стара как мир, словно сюжет из дешевой театральной пьески.

Торговка цветами и актер познакомились благодаря букету. Со временем между ними вспыхнули чувства. Актер долго и упорно копил деньги, готовясь оставить подмости и зажить простой жизнью с любимой. Но беда пришла откуда не ждали: знатный повеса похитил девушку и замучил её до смерти.

Родителей несчастной, искавших правды, с позором выгнали из уездного ямэня, а в префектуре им и вовсе указали на дверь. Пути к справедливости были отрезаны. Тогда актер, сгорая от ненависти, нанялся слугой в дом Ванов. Все эти «призраки» были лишь его игрой: он надевал одежды покойной и являлся молодому господину Ван в моменты его слабости, выжидая шанса нанести смертельный удар.

Однако никакая пьеса не могла передать той живой боли, что терзала его сердце. Каждое мгновение Чан Си мечтал лишь об одном — растерзать Ван Хэ, дабы упокоить душу своей Цзинь'эр.

— Этот негодяй погубил не только мою Цзинь'эр! — воскликнул он, со скрежетом зубным изливая свою ярость. — У него есть отдельный двор, где он держит взаперти всех опороченных им девушек. Пока он не женился, он не может открыто завести наложниц, а потому прячет их там под надзором верных слуг. Он ждет, когда возьмет в жены дочь высокого чиновника или богатого купца, чтобы потом просто выбросить этих несчастных на улицу!

Янь Хуай, выслушав это, готов был изрубить Ван Хэ в мелкую крошку.

— Как может человек так топтать женщин?! Неужели он не думает, что его мать тоже женщина? И что его будущая дочь будет женщиной?

— Я убью его!

Будучи человеком чести и порыва, Наследник Янь уже схватился за рукоять меча, готовый выбить дверь, но Чу Юй вовремя его остановил.

— Где находится этот двор? — Чу Юй посмотрел на Чан Си.

Цзи Линьси тут же услужливо вставил:

— Я знаю где, господин.

Он вспомнил, как вчера, осматривая поместье, проходил мимо одного уединенного строения. Оттуда доносился женский плач — и не один голос. Слуги тогда сказали, что там наказывают провинившихся рабынь. Теперь стало ясно: там томятся похищенные сыном канцлера дочери честных семей.

— Брат Чан не может туда попасть, — продолжал Линьси, — а вот мне это под силу. Семья Ван сейчас безгранично мне доверяет. Я найду способ проникнуть внутрь и всё разузнать.

Его Высочество снова перевел на него взгляд:

— Тогда полагаюсь на вас, господин Си.

Мягкий взор юноши задержался на лице даоса:

— Когда всё закончится, мы с Наследником Янем не забудем о ваших заслугах.

Линьси только этого и ждал. Красавец — его цель. Деньги — его страсть. Он был именно таким — жадным и похотливым подлецом, который не желал выбирать между «рыбой и медвежьей лапой», а хотел забрать всё и сразу. Более того, он уже подумывал о том, как использовать этого знатного юношу, чтобы проложить себе путь к власти.

«Ведь если у меня будут и деньги, и власть, кто помешает мне заключить этого прекрасного господина в свои объятия и вкусить его сладость?»

Когда все дела были обсуждены, Чу Юй, прикрыв рот ладонью, негромко закашлялся. Янь Хуай тут же подхватил его под руку и велел евнуху Чэню готовить лекарство.

— Я помогу тебе лечь, отдохни.

Чан Си понял, что пора уходить. Цзи Линьси тоже не нашел повода остаться, и они вместе покинули Двор Восходящего Солнца. Линьси шел впереди, лихорадочно соображая, как пробраться в тот злополучный двор.

Едва он успел придумать план, как за его спиной раздался холодный голос Чан Си:

— Ты что, решил отказаться от своих семи тысяч лянов?

Чан Си не раз видел истинное лицо этого человека — хитрое и расчетливое. Сначала Линьси заставил его выдать себя, разоблачив в нем актера, затем признался, что сам пришел лишь ради денег Ванов и не станет мешать мести. Он уговорил его сотрудничать, пообещав долю, чтобы тот смог сбежать. Даже когда Чан Си потребовал, чтобы Линьси поклонился в извинении перед его возлюбленной Цзинь'эр, тот, не раздумывая, рухнул на колени и засыпал покойницу просьбами о прощении. Он говорил так красноречиво, что не повторился ни разу, пока актер сам его не остановил.

Чан Си не верил, что такой алчный и изворотливый тип вдруг воспылал любовью к справедливости и готов швырнуть семь тысяч лянов псу под хвост. Разве этот знатный господин даст больше? В лучшем случае — тысячу, но никак не семь.

Линьси обернулся, в его глазах плясали смешинки:

— Брат Чан, а с чего ты взял, что он не даст мне больше, чем старик Ван?

«Порой призрачный шанс стоит куда дороже золотых гор. Сейчас я ставлю на кон всё ради этой возможности».

Даже если затея провалится, семь тысяч лянов — не такая уж большая потеря.

«Говорят, в столице богачи отдают десятки тысяч за одну лишь улыбку куртизанки. А этот господин, в которого я влюбился с первого взгляда... за встречу с таким божеством и мириада золотых будет мало. Всего за семь тысяч я уже успел коснуться его нежной кожи, обнять его ноги и вдохнуть аромат его тела».

«Такое блаженство порой и за всю жизнь не выпадает ни разу».

Чан Си, глядя на выражение его лица, в очередной раз убедился: они с этим человеком из разного теста. Как только месть за Цзинь'эр свершится, он уедет как можно дальше от Юнчэна, чтобы начать всё сначала. Годы на сцене научили его: с такими, как Цзи Линьси, водить дружбу опасно. Такой человек ради своей цели переступит через что угодно, и ты глазом моргнуть не успеешь, как получишь нож в спину.

<http://bllate.org/book/15344/1372723>